

Введение в Талмуд

Пятое занятие

Эрих Ауэрбах. Мимесис («рубец на ноге Одиссея»)

Трудно представить себе большую стилистическую противоположность, чем между этими двумя текстами, хотя оба они древние и эпические. В одном (у Гомера) законченный и наглядный облик ровно освещенных, определенных во времени и пространстве, без зияний и пробелов, соединенных между собой явлений; события совершаются неторопливо, с расстановкой, без большого напряжения. В другом (в Торе) – из явлений выхватывается только то, что важно для конечных целей действия, все остальное скрыто во мраке; подчеркиваются только решающие кульминационные моменты действия, все находящееся между ними лишено существенности; время и пространство оставлены без определения и нуждаются в особом истолковании; мысли и чувства не высказаны, их подсказывают нам молчание и отрывочные слова...

Рассказы Священного Писания не рассчитаны, как гомеровские повести, на то, чтобы снискать наше расположение, не льстят нам, чтобы понравиться и покорить нас своим волшебством, - им нужно **поработить** нас...

Библейский рассказ стремится не заставить на несколько часов позабыть о нашей собственной действительности, - что происходит с нами при чтении Гомера, - а поработить нас: (что означает, что) мы должны включить в мир сказания нашу действительность и нашу собственную жизнь, должны почувствовать себя кирпичиками всемирно-исторического здания, возведенного (Писанием)

С. С. Аверинцев. Греческая «литература» и библейская «словесность»

...Нельзя утверждать, что «Книга Иова» уступает в глубина самым прославленным порождениям греческой философии... и все же «Книга Иова являет собой все, что угодно – «мудрость», может быть, «философствование», но во всяком случае не философию. Вся мысль египтян, вавилонян и иудеев в своих предельных достижениях не философия, ибо предмет этой мысли не «бытие», а жизнь, не «сущность», а существование, и оперирует она не «категориями», а нерасчлененными символами человеческого самоощущения-в-мире, всем своим складом исключая технически-методическую «правильность» собственно философии. В отличие от них греки, если позволительно так выразиться, извлекли из жизненного потока явлений неподвижно-самотождественную «сущность» (будь то «вода» Фалеса или «число» Пифагора, «атом» Демокрита или «идея» Платона) и начали с этой «сущностью» интеллектуально манипулировать, положив тем самым начало философии. Они высвободили для автономного бытия теоретическое мышление... В их руках оно впервые превратилось из мышления-в-мире в мышление-о-мире. Но совершенно аналогичную операцию они проделали со словом, изъяв его из житейского и сакрального обихода, запечатав печатью «художественности» и положив тем самым – впервые! – начало литературе...

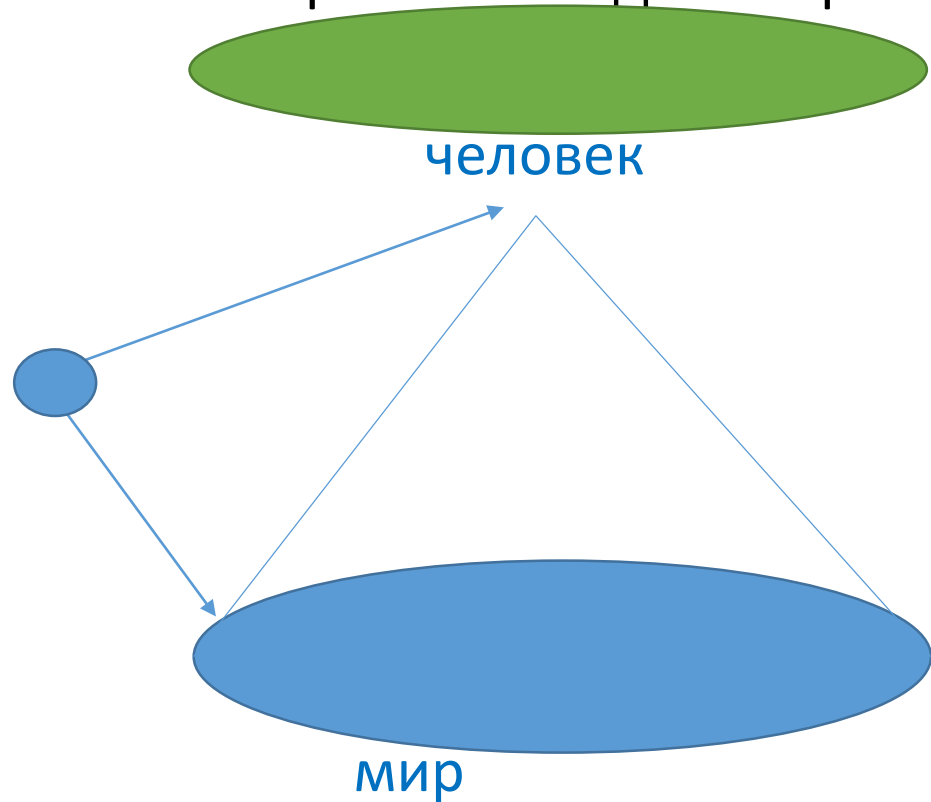
...Мы не могли бы объяснить ближневосточному человеку, что такое «творческое одиночество», и не только потому, что он никогда не приписывал себе способности творить, но и потому, что у него *не было опыта подлинного одиночества*...

Каждое слово Библии говорится всякий раз *внутри* непосредственно-жизненного общения говорящего со своим Богом и себе подобными... Поэтому это слово – принципиально неавторское слово, брошенное на волю потока, предоставленное всем превратностям непрекращающегося разговора. В разговоре неважно, кто сказал слово: у любого творца слишком много сотворцов – прежде всего, разумеется, его Бог, затем мудрецы былых времен, из сокровищницы которых он может невозбранно черпать, не страшась упрека в плагиате, и, наконец, вся народная общность, включенная в ситуацию разговора. Важно другое – что слово вообще было сказано, вошло в состав разговора и зажило в нем, беспрерывно меняясь в зависимости от его перипетий.

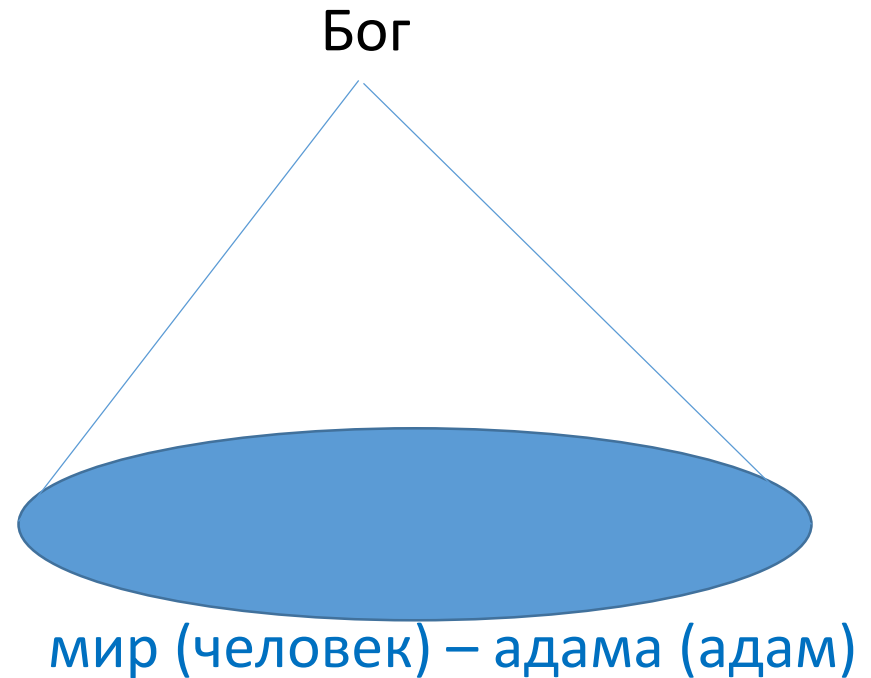
Итак, греческий «космос» покоится в пространстве, выявляя присущую ему меру; библейский «олам» движется во времени, устремляясь к переходящему его пределы смыслу (так развязка рассказа переходит пределы рассказа, или мораль притчи переходит пределы притчи). Вот почему поэтика Библии – это поэтика притчи, исключаящая пластичность: природа, вещи должны упоминаться лишь по ходу действия и по связи со смыслом действия, никогда не становясь объектами самоцельного описания, выражающего незаинтересованную радость глаз; люди же предстают не как объекты художнического наблюдения, но как субъекты выбора и действия.

Два мировоззренческих принципа

- Философский взгляд на мир

- Монотеистический взгляд на мир

Две мировоззренческие позиции

- Запрещено-разрешено
- Конкретное
- Поведение
- Откровение (традиция)
- Авторитет
- Наличие знания
- Повторяемость
- Сообщество
- Цикличность времени
- Истина-ложь
- Абстрактное
- Идеи
- Разум
- Авторство
- Получение нового знания
- Новизна
- Индивидуум
- Линейность времени

Филон Александрийский (25 до н.э. – 50 н.э.)

• **«О сотворении мира согласно Моисею»**

(1) Из законодателей одни просто и без прикрас узаконили существовавшие у них обычаи, другие, придавая вид многозначительности [своим] измышлениям, обморочили людей, сокрыв истину под пеленой мифических выдумок. (2) Моисей же, отвергнув и то и другое — первое как решение неразумное, поспешное и немудрое, второе — как заведомо ложное и исполненное обмана, предпослал [изложению] законов всепрекрасное и наидостойнейшее начало, не тотчас предписав, что следует или чего не следует делать, и не придумывая небылиц, когда необходимо было прежде подготовить сознание тех, кому предстояло пользоваться этими законами, и не одобряя сочиненных другими [мифов]. (3) Начало же, как я сказал, в высшей степени удивительно, поскольку содержит [описание] сотворения мира, при этом, поскольку мир созвучен закону и закон миру, [получается так, что] муж законопослушный, будучи гражданином этого мира, исполняет в своих деяниях повеление природы, которая и лежит в основании устройства всего мира.

Два мировоззренческих принципа

- Евдемова этика, 1216а 11

Говорят, что человеку, который затруднялся и спрашивал: «Ради чего следует скорее быть рожденным, чем не быть рожденным?», Анаксагор ответил: «Ради того, чтобы созерцать небо и устройство космоса».

- Вавилонский Талмуд. Эрувин» 13б:

Учили наши наставники. Два с половиной года спорил дом Шаммая с домом Гиллея. Одни говорят: "Для человека лучше, если бы он не был создан, чем быть созданным". А другие говорят: "Для человека лучше, что он создан, чем если бы он не был создан". Посчитали голоса мудрецов и решили: "Для человека лучше, если бы он не был создан, но раз уж он создан – пусть копается в своих поступках". А некоторые говорят: "Пусть оценивает свои поступки".

Тенденции в осмыслении основ реализации Божественного плана после разрушения Храма

1) **Анти-спонтанность.** Тотальное подчинение Указанию (Торе), освобождение от земных детерминант (*но не от земного мира!*)

- Инструмент – Мидраш

2) **Мистерия.** Осмысление всех действий как символического воплощения тех или иных аспектов сакральной истории

- Инструмент – Аггада

3) **Теургия.** Воздействие на Небесный мир

- Инструменты – Галаха (?), Тефила (?) Не конвенциональные действия (?)